

Вместо предисловия

Трех сыновей и дочь вырастили супруги Стволовы. Сегодня у главы семейства Николая Митрофановича (супруга его скончалась) шесть внуков и внучек, правнук и правнучка. Сыновья его разъехались, а дочь живет в одном подъезде с ним. Выпала Николаю Митрофановичу нелегкая судьбина - три с половиной года фронта на Великой Отечественной, пять месяцев фашистского концлагеря, два побега.

На родину в Сусловский сельсовет Макушинского района Челябинской области пришло сообщение: пропал без вести. Имя его было выбито на мраморной доске среди погибших. Довелось ему побывать у собственного памятника. Об этом была моя заметка "Я пишу свою жизнь..." в "ВП" № 49.

Упомянулось в ней и о младшем сыне Сергее, который, став кадровым военным, воевал в Афганистане, сегодня - в Чечне. В начале года был ранен снайперской пулей. Недавно встретились мы с Николаем Митрофановичем, вижу, у него глаза лучатся от радости: "Получил хорошую весточку от Сережи" - и дал почитать вырезку из газеты "Военный вестник юга России" с очерком о майоре Сергее Стволове, который мы и предлагаем вниманию наших читателей.

А. СКРИПИН.

- Хотите встретиться с героем? - переспросил худощавый подполковник-десантник, сидевший у полуразрушенного здания. - Тогда идите вон в ту палатку, - указал рукой. - И спросите майора Сергея Стволова.

Было это в Грозном. Десантников только что вывели из боев. И в ожидании отправки домой они приводили в порядок боевую технику, несли караульную службу, отсыпались за долгие месяцы бессонной чеченской войны.

МАЙОР Стволов, среднего роста короткостриженный крепыш, моему появлению удивился.

- Вообще-то я с журналистами не разговариваю...

И я услышал историю о японских телевизионщиках, которые пытались в январе взять у него интервью.

- Согласен, - сказал тогда Стволов, - но только возле президентского дворца. Безопасность вам гарантирую.

Возле дворца шли бои, и японцы вежливо отказались. Отказался и Стволов, довольный эффектом, произведенным его предложением.

И все же на этот раз он решил отойти от принципа, сев по-турецки на застеленную грубым солдатским одеялом кровать.

- Только какой же я герой? К званию такому не представляли.

Что верно, то верно. Формально майор Стволов Героем России не стал. Хотя и пообещали 5 января это звание, вызвав под вечер в штаб. Надо было взять здание МВД Чечни. И если бы взял его своим батальоном - на награду уж точно не поспешили бы.

Тогда ответил просто: "Если мало там боевиков - возьму". Но вместо Звезды, когда в очередной раз штурмовали превращенное в крепость здание, получил Стволов перелом двух ребер и проникающее ранение в спину под сердце.

Произошло это в здании МВД, часть которого десантники все же заняли. Но было их 27, дудаевцев в несколько раз больше. Пришлось отойти после четырнадцатичасового кошмарного боя.

Рассказывал Сергей, жестикулируя и смеясь, проводя изредка фукой по ершистой короткой стрижке. Как прятались от разрывов гранат, а их за час влетало в комнаты до десятка. Как наблюдали в минуту затишья за дудаевцами, строем шедшими в столовую где-то в километре от них. Он так органично находил смешное в их трагичном тогдашнем положении, что каза-

ПЕРЕПЛАВКЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ

лось, будто трагизма и не было. Так, небольшой житейский переплет, коих в жизни у каждого всегда навалом. Даже о своем ренении не преминул пошутить. Мол, не успел отскочить от окна, подставившись снайперу. А ведь мастер спорта по военному троеборью, шестикратный чемпион УрВО в командном первенстве. Живые и замечательно умные глаза с интересом рассматривали меня. Наверное, тоже отмечали эффект, который производил рассказ. Стволов явно решал, стоит ли продолжать его дальше. Продолжил...

- Да БОГ с ним, с Героем. Представили меня к двум орденам. Только не за награды мы здесь воюем...

Эту фразу в Чечне мне говорили многие. Видимо, есть какая-то закономерность в том, как относятся солдаты и офицеры к чеченской войне.

Сергей дважды был в Афганистане. Имеет награды - орден Красной Звезды и медаль "За отвагу". Контузию на память о выводе наших войск в 89-м (их батальон охранял Саланг). В общем, хлебнул лиха. И все-таки ту войну и эту рядом не ставит.

- Здесь мы стоим за Россию, - говорит убежденно, - и ее благополучие важнее высоких наград. Даже неловко бывает, когда кто-то сулит Звезду еще до выполнения задачи...

Стать военным Сергей не мечтал. Сызмалства знал, что другой дороги в жизни у него не будет. Любил единоборства, драки. В уральской деревне, где жил, частенько ходили стенка на стенку. И он, Сергей Стволов, - в первых рядах. Специально, бывало, приглашали.

Плохо драться или хорошо - не задумывался. Главное - чтобы за правое дело. Ведь если за правое, то и вопроса такого не возникает.

Отец - фронтовик, бывший десантник. Воевал под Сталинградом.

Старший брат Сергея, Анатолий, - пограничник, тоже воевал. На Даманском. Имеет награды.

Их рассказы, пример, возможно, и определили жизненный путь Сергея. Однако, когда после школы он решил подать документы в пограничное училище, Анатолий остановил:

- Погоди, братан. Послужи в армии, осмотришься, а потом и решать будешь.

Служить пришлось в горном батальоне в Афганистане. И хотя испытал многое, чего не пожелал бы другим, решение стать военным не изменил. Вернувшись домой, подал документы в Свердловское политическое. Первая офицерская должность - замполит учебной парашютно-десантной роты. Командиром боевой стал в Афганистане.

Подивившись факту, обратил внимание Сергея на странный поворот судьбы. Знаю десятки примеров, когда замполитами становились командиры. А чтобы наоборот - первый.

Стволов рассмеялся:

- Вот и начальник политотдела, узнав о моем решении, вызвал "на ковер". "Куда уходишь? - говорит. - Это же ответственность, другая работа. Да тебя снимут через месяц". Не сняли.

Лидер по натуре, он легко вошел в должность. И хотя десантники не вылезали из боев, потери несли минимальные. Его рота очень быстро стала лучшей в батальоне, а соответственно и ее командир.

Жизнь майора Стволова, чем больше она открывалась мне, тем больше удивляла и поражала. Он всегда там, где опасность. И никакой передышки, никакого служебного роста в тиши за счет былых заслуг. Будто внутри у Сергея большая сжатая пружина, толкающая туда, где тяжело, где стреляют и могут убить.

В ЯНВАРЕ 91-го Стволов с десанниками в Баку. Правда, дивизия их к тому времени переподчинили КГБ и бросили в основном на укрепление границы с Ираном. Стояли на блок-постах, ловили контрабандистов. Однажды, когда гнались на бээмдэшке за крупной бандой, пуля прошла в

десяти сантиметрах от головы Сергея и, срикошетив о башню, ушла ввысь.

Узнав имя вставшего поперек горла десантного командира, контрабандисты предложили через посредника полтора миллиона рублей. По тем временам деньги огромные. Отказался.

- Дурак, - смеется, вспоминая тот день. - Взял бы и жил теперь припеваючи. Не надо было бы голову под пули подставлять.

Но нет, не взял бы он деньги. И никогда не возьмет. Не та закваска. Честен, как говорят некоторые "бизнесмены", до неприличия. Таким отлит и переплавке, к счастью, не поддается.

А за служебные заслуги наградили Стволова в том году первой в дивизии медалью "За отличие в охране Государственной границы СССР". Самой "крутой" и почитаемой в пограничных войсках.

В ЧЕЧЕНСКУЮ войну въехал Стволов на бронепоезде. В общем-то бронепоезд - одно название. 22 открытые платформы, на которых разместили 3 зенитные установки, минометную батарею и батарею СПГ-9. По огневой мощи, конечно, он не уступал своим собратьям, ходившим под парами в гражданскую и Великую Отечественную. Но вместо брони - мешки с песком. 22,5 тысячи мешков уложили десантники на платформы, таская их на своем горбу. А когда все было готово, прибыл Стволов в штаб бесланской группировки и попросил поставить команде бронепоезда боевую задачу.

Рассказывая об этом эпизоде, Сергей горько усмехнулся. Как выяснилось, в штабе никто не знал, зачем группировке нужен бронепоезд и как его применять. Посудили-порядили и выдали: "Выдвигайтесь в сторону Грозного. Поддерживайте огнем наземные войска".

Дошли до Слепцовской. Но войск, которые нужно было поддерживать, ни справа, ни слева не наблюдалось. Только местные жители несколько раз преграждали железнодорожное полотно, мешая продвижению.

У Слепцовской дудаевцы взорвали мост. Под самым носом у бронепоезда. Или не рассчитали что-то подрывники, или опять судьба решила Стволова поберечь, но десантники не пострадали. Впрочем, вперед, как выяснилось, идти все равно не удалось бы. За мостом стоял грузовой состав из 3 цистерн с нефтью и 30 платформ со щебнем, специально приготовленный боевиками для бронепоезда. Двинулись обратно. Когда подошли к Назрани, с удивлением обнаружили, что 25 метров железнодорожного полотна разобраны. А уже ночь. На станции ни души, кроме ничего не знающего дежурного.

- Спасибо, два офицера-вовосца и три железнодорожника с нами были, - рассказывает Стволов. - С их помощью путь и восстановили.

Как восстанавливали - отдельный материал написать можно. Примерно так же Павка Корчагин с комсомольцами строили боярскую узкоколейку. Рельсы, оказавшиеся метрах в пятидесяти, пришлось носить на руках. А каждая почти 2 тонны весом. "Покорячились". Однако к утру, как и было приказано, вернулись в Беслан. С бронепоездом пришлось расстаться.

О ТОМ, что было дальше, Стволов говорить спокойно не может. Не укладываются в его мозгу, привыкшем просчитывать бой на несколько ходов вперед, явные промахи. Особенно при взятии Грозного, когда отсутствие взаимодействия между подразделениями приводило к неоправданным жертвам.

- У нас даже анекдот появился, - хмыкнул Сергей, - про пехоту. Сидят два офицера-десантника, обедают. Вбегает сержант.

- Товарищ капитан, - обращается к ротному, - дудаевцы в атаку пошли.

- Хорошо, Иванов, отражайте.

Продолжают обедать. Через десять минут:

- Товарищ капитан, дудаевцы отступают.

- Хорошо, Иванов, отдыхайте.

Сержант уходит и вдруг вбегает опять: - Товарищ капитан, наша пехота в атаку пошла.

Офицеры вскакивают.

- А вот теперь, Иванов, всем в укрытие.

Черный юмор. Но за ним - правда жизни, прочувствованная Стволовым на себе.

Случилось это в ночь на 7 января. К утру федеральные войска должны были занять улицу Карла Маркса. Причем сначала шли десантники, очищая дома и выставляя блок-посты. За ними - мотострелки. Заходя в переулки, они расширяли плацдарм. И хотя все действия были заранее согласованы по карте, взаимодействия не получилось.

- Наш батальон занял школу, кажется, 21-ю, - вспоминал Стволов. - Все хорошо получилось, быстро. Расставил людей, уточнил задачи. Но что-то меня удержало выставлять парней на последний - четвертый этаж. Предчувствие что ли нехорошее было, не знаю. В общем, закрепились. А тут и пехота вперед пошла. Выкатились в школу 3 бэтэра и один танк и давай гасить. Словно не сказал им никто, что школа будет занята.

- Зебра, Зебра, - кричу мотострелкам из радиостанции. - Прекратите огонь, здесь свои!

Не слышат.

Стали мы ракеты зеленые пускать, себя обозначая. А раз ракета зеленая - каждому было в Грозном известно: там свой.

Все равно лупят. Крупнокалиберные пули стену кирпичную надвое разрезают. Танк, слава Богу, пока из четвертого этажа Сталинград делает.

Мы пирофакел оранжевого дыма зажгли. Не помогает. Осталась у меня последняя ракета, белая. Подскакиваю к окну, а тут танксты рядом со мной фугасным шаркнули. Сбила взрывная волна с ног, а ракета по комнате заметалась. И куда ни брошусь, все в меня идет. В конце концов ударила в подошву сапога, подожгла. И так быстро сапог занялся, что чувствую: будто ногой на плиту раскаленную наступил. Пробую снять сапог - не снимается. А головы ни поднять и ни сесть поудобнее. Пули чуть ли не волосы на голове стригут. Осколки кирпича фонтанами разлетаются.

Спасибо, старший сержант Муслим Султанов вовремя подполз и стащил сапог. А то и не знаю, что бы с ногой было.

Тут мне докладывают, что напротив пехота с нашими разведчиками братается. Я им по радиостанции: "Скажите, что свои в школе, пусть огонь прекратят". И своим ору: "Приведите сюда пехотного командира. Убью гада!". И убил бы, наверное. Такое зло взяло. Весь пол брюхом вытер, всю грязь носом избородил. Но привели шупленького такого лейтенанта-очкарика. Глянул на него, и улетучился гнев. И зачем только таких на войну посылают?

А вечером их комбат к нам с мировой приходил. Хороший мужик, крепкий. Но на душе до сих пор горький осадок остался.

СТВОЛОВ замолчал, откинулся на подушку, сложив руки под головой.

- А вообще много непонятого на этой войне. По логике, вот как мы должны были с омоновцами взаимодействовать. Заняли район - они его прочесывают, всех подозрительных задерживают. Мы же наши хваленые спецподразделения МВД лишь 20 января впервые увидели. А их работой до тех пор занимались армейцы.

Долго еще сетовал Стволов на просчеты в тактике, дополняя их колкими комментариями. Не забыл он, конечно, и перемирия, позволяющие боевикам перегруппироваться и продолжать войну. Но за его колкостями, безжалостной критикой мне увиделась израненная войной душа российского офицера, переживающего за честь и достоинство Российской же армии. Он не принимал упреков в малодушии и непрофессионализме. Он верил в то, что и в Чечне, и вообще - всегда честно стоял и стоит за Россию.

Подполковник А. АГАФОНОВ.